

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ
ГРАФ

Издательство АСТ
Москва

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ
ГРАФ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б87

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Anabelle Bryant

LONDON'S MOST ELUSIVE EARL

Перевод с английского Я. Царьковой

Компьютерный дизайн Э. Кунтмыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Брайант, Аннабел.

Б87 Непредсказуемый граф : [роман] / Аннабел
Брайант ; [перевод с английского Я. Царьковой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. —
(Шарм).

ISBN 978-5-17-172255-5

У Джонатана Кромфорда было трудное детство — отец-тиран изводил и его, и свою жену, и всех, кто его окружал. Но вот старый граф умер, однако даже после смерти умудрился насолить сыну: Джонатан получит наследство и титул только в том случае, если найдет и вернет три украденные картины, а также женится и продолжит род.

Для Джонатана обе задачи одинаково трудны. Имея репутацию повесы, жениться он вообще не планировал, а где искать картины, понятия не имел. Он уже готов был отречься от состояния и титула, но все меняется, когда он случайно встречает Кэролайн Николсон. Может, ради любви и их общего счастья все-таки стоит побороться за свое наследство?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Anabelle Bryant, 2020

© Перевод. Я. Царькова, 2024

ISBN 978-5-17-172255-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Пролог

Уильям Кромфорд, наблюдая за происходящим с того света, должно быть, корчится сейчас от смеха. Так думал поверенный в делах покойного графа Линдси, достопочтенный Эдвард Барлоу, готовясь огласить завещание. Барлоу посчитал, что ознакомить всех заинтересованных лиц с содержанием документа, согласно которому наследнику для вступления в законные права необходимо выполнить ряд жестких условий, лучше всего там, где сама природа умиротворяет и взывает к снисходительности. Для этой цели как нельзя лучше подходил Кингсвуд — самое обширное из родовых поместий Линдси в Бедфордшире. Барлоу не без оснований полагал, что наследнику совсем не понравятся последние распоряжения старого графа, и надеялся, что за время обратного пути в Лондон он успеет отчасти оправиться от потрясения и смирить гнев.

Сверившись с карманными часами, Барлоу тяжелым взглядом уставился на кожаную папку с завещанием и прилагаемыми к нему документами, в которых предельно подробно указывалось, как именно он должен действовать в случае исполнения или неисполнения потенциальным наследником того или

ино оговоренного в завещании условия. Сегодня Барлоу предстояло лишь начать процесс, который будет иметь для немалого числа людей множество далекоидущих последствий, не всегда приятных.

Стоя у сводчатого окна библиотеки, Барлоу наблюдал за тем, как элегантный экипаж подъезжает к парадному входу. По золоченому гербу на дверце кареты легко было узнать владельца. Джонатан Кромфорд, законный наследник и новоиспеченный граф Линдси, явно чувствовал себя в новой ипостаси вполне уверенно, хотя покойный граф, кажется, делал все, чтобы лишить сына уверенности в себе. Отношения между отцом и сыном в этой семье были, мягко говоря, весьма натянутыми.

А жаль. Жаль, что покойный граф считал своего отпрыска пустым местом. И очень жаль, что сыну мнение отца, какого бы вопроса оно ни касалось, было совершенно безразлично. У младшего графа сложилась репутация повесы, своими скандальными эскападами дававшего все новые поводы для светских сплетен и толков. Барлоу опасался, что с таким джентльменом, как Джонатан Кромфорд, прийти к компромиссу будет непросто. Трудно урезонить человека, которому нет дела до того, что о нем думают окружающие.

Напрасно думает молодой граф, что титул и богатство перейдут к нему от покойного отца сами собой. Увы, ему придется немало потрудиться, чтобы получить то, что причитается. И чем раньше он об

этом узнает, тем лучше. Рукопожатие Кромфорда и Барлоу было кратким, но крепким.

— Девять месяцев до оглашения завещания — неоправданно долгий срок, как мне думается. Хотя в случае моего отца меня не удивляет задержка, — заметил Линдси. — Наверняка документ содержит множество всевозможных условий. Отец всегда любил все усложнять, и я не вижу причин, по которым такая мелкая неприятность, как смерть, могла бы заставить его изменить своей природе.

Барлоу молча кивнул. Вряд ли комментарии здесь уместны, решил он. Сломав печать, он нацепил на нос очки и, исподлобья глядя на молодого графа, сказал:

— Девять месяцев — ровно столько я должен был по указанию вашего отца готовить документы, и, поверьте, этого времени мне едва хватило, хотя я трудился не покладая рук.

Барлоу хорошо понимал, что его слова звучат как-то туманно и неопределенно, и потому, не давая наследнику вставить слово и потребовать объяснений, откашлялся, собрав осколки сургуча в аккуратную кучку по левую сторону от пресс-папье, и добавил:

— Он также приложил к завещанию письмо, которое мне велено прочесть вам вслух.

— Вы будете читать мне письмо вслух? Граф, должно быть, забыл, что я уже не в том возрасте, когда детям читают сказки на ночь. Впрочем, немуд-

рено. За всю жизнь он мне ни строчки вслух не прочел. — Джонатан Кромфорд сухо и холодно рассмеялся. — Увольте меня от вашего выступления. Дайте мне письмо, и распрощаемся.

— Боюсь, вам придется меня выслушать. Такова последняя воля вашего отца и одно из обязательных условий получения вами наследства. Указания, данные вашим отцом, весьма конкретны и подробны. И я не вправе опустить ни один пункт. — Барлоу вновь откашлялся, глядя куда-то вбок. Под пристальным взглядом молодого Линдси ему было не по себе. — Я должен лично прочесть вам письмо и таким образом удостовериться в том, что вы услышали и приняли к сведению прочитанное, а не бросили письмо в огонь нераспечатанным.

— Ладно, валяйте, — насмешливо протянул Линдси и, опустившись в кресло, валяжно закинул ногу за ногу. Под маской напускного безразличия скрывалось нараставшее раздражение, с трудом сдерживаемая ярость.

Барлоу не хотел провоцировать Линдси и, удив из-под исписанных своим убористым почерком листов тот, что был написан собственноручно старым графом, начал читать:

«Джонатан,

Теперь ты уже получил титул графа и все, что к нему прилагается, как мой законный сын и пэр королевства. Хотя мы не разговариваем друг с дру-

гом вот уже несколько лет, я знаю и о твоих дорогих привычках, и о любви к разного рода излишествам. Знаю и терплю без жалоб. Ты не жалеешь денег на дорогих портных, на дорогих лошадей, на дорогую недвижимость. Ты полагаешь, что перешедший тебе по наследству титул и вместе с ним неоспоримый статус и состояние даны лишь для того, чтобы ты мог жить в свое удовольствие».

Барлоу расслышал недовольное ворчание Линдси, но не дал вовлечь себя в неконструктивный диалог и продолжил чтение:

«Время оставляет неизгладимый след на всем, чего касается, — то есть на всем в этом мире. День нашего рождения есть начало не только нашей жизни, но и нашего умирания. Мы все это знаем. И все же, когда приходит смерть, мало кто из нас готов к ее приходу. Я же хочу встретить свой уход во всеоружии. Вот потому я, заручившись поддержкой своего нотариуса и поверенного в делах Эдварда Барлоу, позаботился о том, чтобы передача моего имущества произошла бы на моих условиях так, чтобы и закон был на моей стороне. По сути, условия всего два.

Первое: восстановить финансовую устойчивость активов Линдси. Тебе будет предоставлен полный отчет о текущей ситуации. Богатства, как и жизнь, конечны, сын мой. Насколько бедственным сдела-

лось твое положение, ты поймешь, получив сведения от моего поверенного.

Второе условие более деликатного свойства. Ты должен произвести на свет законного наследника как можно скорее. Распутству и кутежам пора положить конец. Я не позволю роду Линдси угаснуть из-за твоего преступного недомыслия.

Сумма, полагающаяся тебе на расходы, будет урезана, и каждый месяц промедления будет стоить тебе немалых денег. Не вижу иного способа тебя поторопить. В завещании указаны и другие лица, и от своевременности твоих действий будет зависеть их, этих лиц, благополучие. Не удастся тебе восстановить кредитоспособность — и ты обречешь их на нищету. Поторопись! Барлоу введет тебя в курс дела.

*Уильям Кромфорд,
граф Линдси»*

Глава 1

Лондон. Двумя неделями позже

Леди Кэролайн Николсон, заметив, что дверь в кабинет лорда Альбертсона приоткрыта, не раздумывая, проскользнула внутрь. Казалось бы, глупо искать уединения девице, для которой этот бал был первым выходом в свет. Прячась по темным углам, мужа не найти, и Кэролайн прекрасно это понимала. Как понимала и то, что лорд Тайлер, самый желанный холостяк Лондона, который как будто ее заметил, сейчас уже, должно быть, купается в благосклонном внимании какой-нибудь более удачливой и благоразумной дебютантки, кружась с ней в вальсе.

Впрочем, лорд Тайлер так и не изъявил желания зарезервировать танец с Кэролайн и после представления не задержался возле нее дольше положенного по этикету времени.

Очевидно, она все же не произвела на него должного впечатления. Сделав такой вывод, леди Николсон достала батистовый платочек и с шумом высморкалась. Пару минут наедине с собой хватит, чтобы восстановить душевное равновесие и вновь быть готовой предстать перед публикой в почти прежнем

своим качестве, если не считать слегка уязвленной гордости и утраты некоторых иллюзий. В конце концов, на лорде Тайлере свет клином не сошелся. В Лондоне полным-полно неженатых джентльменов, и если она не пришлась по нраву первому из тех, кто понравился ей, нет повода записывать себя в неудачницы.

Услышав, как щелкнул язычок дверного замка, Кэролайн стремительно обернулась и увидела, что в комнату вошли двое. Первое, что пришло в голову Кэролайн, — это спрятаться в темном углу, в простенке между книжными шкафами. Вообще-то правила приличий требовали, чтобы она заявила о своем присутствии. Только вот дебютантке, мечтающей как можно скорее выйти замуж, ни к чему вовлекать себя в скандал. В распоряжение гостей бала частные покои хозяев не передавались, и сам факт, что она зачем-то находилась в кабинете лорда Альбертсона, говорил не в ее пользу.

И тут она узнала вошедших. Вернее, одного из вошедших. Лорд Джонатан Кромфорд, граф Линдси, наименее востребованный холостяк Лондона, привел сюда, в полутемный кабинет, даму. Поговаривали, будто одной своей ухмылкой он способен вскружить голову самой стойкой из представительниц слабого пола. Кэролайн трудно было судить о правдивости этого слуха, поскольку ей пока не довелось испытать на себе воздействие легендарного шарма графа. Зачастую дамы устраивают слиш-

ком много шума из ничего. Было бы любопытно на собственном опыте убедиться в достоверности или недостоверности подобных утверждений, не без иронии подумала Кэролайн и тут же одернула себя: мысли ее приняли небезопасное направление. Она вышла в свет, так сказать, вооруженная до зубов: ее кузины сообщили все, что только можно было сообщить, о достойных рассмотрения кандидатах в мужа из числа лондонских аристократов и тем самым сильно облегчили для нее вхождение в лондонский высший круг.

В двух-трех шагах от нее находился типичный образчик закоренелого грешника, даром что девицы на выданье предпочитали считать его выходки безобидными шалостями. Девицам этим, как видно, застил глаза его легендарный шарм.

Кэролайн заворожено наблюдала за тем, как граф, бегло окинув кабинет взглядом, принялся обихаживать спутницу. Если бы события не развивались с такой быстротой, а натиск графа не был столь стремительным и настойчивым, Кэролайн, пожалуй, решила бы заявить о своем присутствии, но момент оказался упущен, и ей ничего не оставалось, кроме как вжаться в стену и ждать, когда все закончится. Если она и надеялась на то, что все ограничится невинным поцелуем и парочка удалится в бальный зал, а следом за ними и она, то надеждам не суждено было сбыться. Теперь ей предстояло пропустить еще один танец, и кто знает, чем

это для нее обернется? Может, сейчас решилась бы ее судьба, и она, невольный соглядатай, упускает единственный шанс на счастье... Сказать, что преобладающим чувством ее была неловкость, у Кэрролайн не повернулся бы язык. Скорее она была заинтригована происходящим.

— Целуй меня, Линдси, — хрипло и требовательно пробормотала леди, — я вся горю. Я так долго ждала этого момента...

— Не могу же я тебя целовать, когда твой муж от тебя ни на шаг не отходит, — возразил Линдси. — Нельзя упрекать меня в том, что я не в силах изменить. — С этими словами он снял перчатки, бросил их на ближайший стул и сгреб леди в объятия.

— Моему мужу нет до меня дела. Все, чем он дорожит, — это его драгоценная коллекция, что хранится в частной галерее и предназначена только для его глаз. Только о ней он и говорит. Какая скука! Никому не позволяет на нее взглянуть, а ни о чем другом и говорить не может!

Спутница Линдси жадно гладила графа по плечам, запрокинув голову и подставляя сложенные бантиком губки для поцелуя.

— Так ты желаешь видеть меня в роли интересного собеседника? Хочешь, чтобы я осыпал тебя любезностями? — Граф не давал своим рукам отдыха.

— Нет, — протяжно выдохнула дама. — Я хочу от тебя большего. Целуй же меня! Я так давно мечтала познать вкус твоих поцелуев...

Граф исполнил приказ, но, похоже, леди осталась недовольна.

— Ну же, зачем ты мучаешь меня? Целуй крепче!

На этот раз граф очень долго не отрывался от губ своей спутницы.

— Так лучше? — хрипловатым шепотом спросил Линдси. — Ты всегда получаешь то, что хочешь, дорогая?

— Я хочу, чтобы ты целовал меня еще и еще...

— Ты уверена, что тебе нужны мои поцелуи, а не внимание мужа? И не его драгоценные — во всех смыслах — картины?

— Твои поцелуи мне дороже его картин, — решительно заявила спутница Линдси и, просунув руку между их телами, добавила жарким шепотом: — А ему вообще цены нет.

Линдси был несколько обескуражен напором дамы. Однако чем решительнее ее настрой, тем ближе к воплощению его план.

— Испытывать вожделение к картинам, когда рядом безумно красивая женщина, — преступление! — хриплым шепотом произнес граф, лаская свою спутницу.

— Я не хочу говорить о картинах, — недовольно простионала дама, — я вообще не хочу говорить. — Ослабив шнуровку корсета, она приспустила рукава платья, и ее пышная грудь выплеснулась через край декольте. — Я больше не могу ждать...

Линдси понимал, что, не исполнив хотя бы отчасти желания дамы, он своего не получит. Покрывая поцелуями ее грудь, он лихорадочно искал подход к тому предмету, что в данный момент интересовал его больше всего.

— Я думаю о тебе каждую ночь в своей одинокой постели, — призналась его спутница. Грудь ее бурно вздымалась при каждом вздохе.

Он провел подушечкой большого пальца по ее соску, и она вздрогнула всем телом.

— И что ты представляешь, дорогая? Какими бы «нехорошими» делами мы могли бы заняться с тобой вместе? — Желая несколько снизить накал страстей, Линдси приподнял свою спутницу за талию и усадил на край стола лорда Альбертсона. Письменные принадлежности хозяина дома с грохотом покатались по полу. «Прости, старина», — подумал Линдси.

— Я хочу, чтобы ты сбросил все эти ненужные тряпки. Хочу, чтобы между нашими телами не было преград — кожей чувствовать твою кожу. И я хочу, чтобы мы бесконечно предавались нескончаемой страсти.

Между тем его спутница ни на миг не выпускала его из рук. Дабы замаскировать свой побег, Линдси пересадил даму подальше, приподняв при этом ворох мешавших юбок. Соприкосновение обнаженных бедер с прохладной столешницы орехового дерева вызвало у леди чувственный трепет.